

УДК 821.161.09"17"

ПОЭТИКА ЗАПАХА В ЧУЖОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Наталья Львовна Зыховская

к. филол. н., доцент кафедры русского языка и литературы

Южно-Уральский государственный университет

454080, Челябинск, пр. Ленина, 76. ladoga_@mail.ru

Статья посвящена поэтике запахов (ольфакторных включений) в травелогах – путевых заметках и дневниках XVIII столетия. Автор статьи показывает, как сама сюжетная ситуация (рассказчик-герой в чужом пространстве) создает условия для обострения обонятельных реакций и развития ольфакторной поэтики. Для автора статьи ключевое значение имеет пограничность литературы и антропологии в жанре травелога. Эта особенность выражается в двойном вызове, который исходит от самого материала – описания чужого пространства: одновременно необходимость правдивого фиксирования наблюдаемых фактов и выражение собственного отношения к этим фактам. Ольфакторные фрагменты подвержены воздействию этого вызова: в чужом пространстве запахи инвертированы и искажены, а ориентирование по ним и затруднено, и необходимо.

Ключевые слова: ольфакторий; поэтика запахов; русская литература XVIII в.; травелоги.

Обращаясь к поэтике запахов в литературе путешествий, отметим, вслед за А.Сорочаном, что такой подход фактически ставит литературоведение на грань с антропологией; во всяком случае, сами методы анализа оказываются идентичными. «Литература путешествий и антропология схожи в своей открытости к текстовой проблематике идентичности, с ее постоянными перестановками, расхождениями и последовательностями; замечание Клиффорда Гирца о возможности для антропологов “думать о туземцах, фактически сочиняя жизнь самого исследователя”, подразумевает то же сложное положение, в которое попадает автор травелога или прибывающий в колонию на постоянное жительство чиновник» [Сорочан 2011]. Если же обратиться к упомянутому в обзоре А.Сорочана труду известного антрополога и культуролога К.Гирца, то обнаруживается еще более точное понятие для самой «фактуры» травелогов – «насыщенное описание»: «Понимаемая с точки зрения взаимодействующих систем конструируемых и поддающихся интерпретации знаков (которые я буду называть символами, игнорируя провинциальное словоупотребление), культура – это не некая сила, к которой причинно-следственным образом могут быть отнесены явления общественной жизни, поведение индивидов, институты или процессы; она – контекст, внутри которого они могут быть адекватно, т.е. “насыщенно”, описаны» [Гирц 2004: 20].

«Насыщенность», по К.Гирцу, и предполагает наполненность символическими значениями, подвергаемыми дешифровке, распутыванию, интерпретации. Но если – с точки зрения культуролога – это напряженная работа, необходимая для «вписывания» в чужое пространство, то для повествователя, автора, важнее фиксирование собственных впечатлений «чужака» – человека, идентифицирующего себя с *иным* по отношению к описываемому пространством.

Само понятие «чужести» оказывается здесь ключевым. Несмотря на активное употребление антитезы «свое – чужое» в современном литературоведении, правильное было бы здесь обратиться к классическим положениям теории М.М.Бахтина. Рассуждая о «речи в речи» и «чужом слове», Бахтин отмечает: «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу. Подчеркнем, что этот контакт есть диалогический контакт между текстами (высказываниями), а не механический контакт оппозиций... За этим контактом – контакт личностей, а не вещей... Если мы превратим диалог в один сплошной текст, т.е. сотрем разделы голосов (смены говорящих субъектов)... то глубинный (бесконечный) смысл исчезнет (мы стукнемся о дно, поставим мертвую точку)» [Бахтин 2002: 424].

Тогда получается, что «чужость» не только не должна быть изжита – напротив, она нуждается в

культивировании и последовательном, многоставном «отграничении» от повествующего голоса.

Запахи при этом оказываются прекрасным полем для наблюдений за инвариантами «поведения» повествующего путешественника – ведь это запахи чужого пространства. В произведениях прежних веков такого рода одоризмы встречались редко. Но и самих таких текстов было немного. XVIII в. открывает перед русскими огромный мир, и в описаниях этого «чужого» мира обонятельные образы появляются довольно интенсивно.

Можно предположить, что при попадании в чужое пространство активизируется «животное» начало – инстинкт самосохранения «включает» обоняние, помогающее анализировать новое место, чтобы заключить, враждебно (опасно) оно или нет.

Этот любопытный момент «принюхивания» к чужому миру чрезвычайно показателен, например, в «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина: «Лишь только вышли мы на улицу, я должен был зажать себе нос от дурного запаха: здешние каналы наполнены всякою нечистотою. Для чего бы их не чистить? Неужели нет у берлинцев обоняния? – Д* повел меня через славную Липовую улицу, которая в самом деле прекрасна. В середине посажены аллеи для пешеходов, а по сторонам мостовая. Чище ли здесь живут, или испарения лип истребляют нечистоту в воздухе, – только в сей улице не чувствовал я никакого неприятного запаха» [Карамзин 1964: 120].

Важно, что герой сознательно старается установить характер запаха чужого пространства. Известное мнение о том, что свой запах человек никогда не замечает, могло бы быть переложено и на ситуацию среды обитания – именно человек со стороны («свежее обоняние») в состоянии определить, что запах дурен или хорош (во всяком случае, нов).

Обратимся к другим травелогам. На излете XVII в. появляется сочинение «Путешествие стольника П.А.Толстого по Европе (1697–1699)», представляющее собой подробнейший отчет о путешествии московского дворянина в жанре путевых записок – как того требовала стратегия Петра I. Ольфакторные включения здесь показывают, что литература путешествий, приближенная к нон-фикшн, провоцирует развитие ольфакторного поля в целом, поиск новых запахов как ориентиров в чуждом пространстве.

Говоря о поездке в Падую, П.А.Толстой замечает: «...видятся те источники горячей воды, якобы в них вода всегда кипела, и бывают от тех горячих вод всегда густые пары, подобны дыму,

а имеют те пары дух к обонянию человеческому тяжелой, подобно тому как пахнет нефть горелая или скипидар» [Толстой 1992: 70]. Здесь не только дана характеристика запаха («тяжелый»), но и приведены аналогии, позволяющие уточнить сам характер запаха (возможно, его химическую природу). Можно наблюдать, как старательно и добросовестно автор объясняет свое ольфакторное наблюдение.

В другом случае П.Толстой дает описание обитаемого пространства, ухоженного итальянцами: «...сады и огороды предивные и превеликие построены, в которых много дерев есть розных родов плодовых, между которыми множество виноградов розных родов, белых и красных, и всяких изряднаго обоняния трав и цветов предивных» [там же: 71].

С одной стороны, здесь усматривается традиционный для древнерусской литературы стиль описания «райских куш», с другой – указание на рукотворность этого рая. Любопытно также, что Толстой использует слово «обоняние» в качестве синонима слову «запах» – хотя только что мы видели более привычное использование этого слова (дух, тяжелый человеческому обонянию). Нет сомнений, что в этот период развития литературного языка авторы стремятся избегать слова «запах», ищут ему подмену, слово «запах» все еще имеет сниженные коннотаты, близко к просторечному. Путешественник в своем травелог в первую очередь остается повествователем, литератором, а не «рассказчиком», стремящимся представить читателю облегченное сочинение, приближенное по стилю к светской болтовне.

Еще детальнее описан сад в другом месте путевых записок: «Тот ево сад зело велик, построен промеж гор; и зело много в нем дерев лимонных, помаранцовых, аливных, винных ягод, арехов грецких, арехов миндалных, грушевых, сливных, яблоней, шепталы и иных розных родов, каштанов, цукатов, штотов, фиников; также много виноградов розных, белых и красных, и иных фруктов, которые на травах родятся. В том же саду построены огороды изрядные, в которых изрядные благовонные травы и цветы» [там же: 166].

Этот перечень, по-видимому, тоже противопоставлен «скудости» отечественных «куш», он приводится как пример роскошного сада (отсюда столь добросовестное перечисление всех видов деревьев там); ольфакторное указание включено здесь, скорее, «по инерции», нежели с конкретной целью впечатлить читателя. Однако и «изрядные благовонные травы и цветы», и длинный перечень экзотических для русского человека деревьев и других растений призваны именно

«построить стену» между пространством «чужим» и «своим».

Интересным представляется и включение в текст повествования «ольфакторной легенды»: «И в одном месте на море обонял нас дух великой ентарнаго масла, власно как бы множество ево пролито где было. О том сказывали мне неополитанцы, что в том месте в древние лета был великой город, множество делывали ентарнаго масла; и волею Божию в древние ж лета тот город и с островом, на котором он стоял, потопило морем; и с того времени и доднесь на том месте обоняется дух ентарнаго масла» [Толстой 1992: 178].

Прежде всего, вводится сам пахнувший объект – «ентарное масло». Комментаторы академического издания не поясняют, о чем идет речь. Однако, скорее всего, «ентарное» (янтарное) масло – это результат сложного по технологии процесса перегонки янтарных смол с последующими добавками разного рода (в том числе и шафрана, придающего маслу янтарный оттенок). Яркий запах этого масла обусловлен добавками ладанной камеди и сандала. Но еще важнее для нас в данном случае сам способ ввода ольфакторной легенды: «обонял нас дух великой». «Обонять» в данном контексте означает «объять», а «дух великой» (означая всего лишь «яркий запах»), тяготеет к выражениям древнерусской литературы о Духе Благом (в «Слове о Законе и Благодати» читаем: «Откуда ти припахну воня Святааго Духа?», что означает «Откуда повеяло на тебя благоухание Святого Духа?» [Библиотека 1997]). Поэтому усилитель «обонял властно» оказывается весьма существенным. Это, по-видимому, первый в отечественной прозе случай использования выражения «властный запах».

Однако остается непроясненным с историко-культурной точки зрения и большой фрагмент, описывающий переезд героя из Неаполя в Рим. Здесь главной темой становится «тяжелый», «тягостный», «злой» воздух, вдыхание которого ведет к страшным болезням и даже к смерти [Толстой 1992: 183 и далее].

Многодневное путешествие приходится превратить в «многоночное», поскольку безопасно можно двигаться только по ночам. Со всеми предосторожностями, употребляя много нюхательного и курительного табака, герой добирается до Рима, где, как он отмечает, воздух тоже «тягостный». Здесь мы видим развитие так называемых «пневматологических мотивов» [Рогачева 2010: 47–57]. Однако, в отличие от поэзии, где «дышать ароматами» вполне уместно, проза путешествий предлагает совсем другой вариант: запах не описывается и не сравнивается с чем-то знакомым, но подается как некий газ, наполня-

ющий пространство, тлетворность которого угрожает жизни и здоровью путешественника.

В «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзин предлагает следующую характеристику: «Везде видите дым земляных угольев; везде чувствуете их запах, который для меня весьма неприятен; улицы широки и отменно чисты; везде тротуары, или камнем выстланные дорожки для пешех» [Карамзин 1964: 515]. В этом высказывании появляется негативная характеристика нейтрального запаха (запах углей может восприниматься и как позитивный, и как привычно-нейтральный, но для автора он «неприятен»).

В этом можно усматривать еще одну яркую черту развития ольфактория в травелогах – авторы, стремясь передать свои впечатления от посещения чужих стран и городов, прибегают к личным маркерам; тем самым устойчивый «набор» издающих запах предметов (как части художественного произведения) расширяется.

Показателен другой ольфакторный элемент – привычные предметы на чужбине обладают *иным* запахом: «Я ходил между тысячами, как в лесу, не зная никого и не будучи никому известен. Однако ж, видя вокруг себя радостные лица, веселился в сердце своем. Наконец ушел ото всех людей, сел под зеленым кусточком, увидел фиалку и сорвал ее, но мне показалось, что она не так хорошо пахнет, как наши фиалки, – может быть, оттого, что я не мог отдать сего цветочка любезнейшей из женщин и вернейшему из друзей моих!» [Карамзин 1964: 360–361]. С одной стороны, несомненно, это элемент стиля рококо, примыкающего к сентиментализму, с его остроумной галантностью (качества фиалки «привязаны» к возможности обрадовать любимую). Но, с другой стороны, возможно, это вполне реалистичное наблюдение – «чужбина» наделяет привычное новыми качествами – в данном случае, не таким приятным, как если бы это было дома, запахом или даже «не-запахом».

Для Н.М.Карамзина важным становится определение приятного «чужого» пространства, где немалую роль играют обонятельные ощущения. Таким приятным пространством становится Прованс (и Лангедок), где всегда все «цветет и благоухает». Но при этом показательно, что путешественнику так и не удается туда попасть! Именно поэтому целый ряд позитивных ольфакторных образов в тексте относится к мечтам, а не к действительности.

Очень возможно, что реальное путешествие развеяло бы эти мечты и представления – в том числе и яркие ольфакторные образы, приближающие стилистику этих фрагментов к древнерусским описаниям райских куш. В начале путеше-

ствия герой сообщает: «Мне хочется пробраться в Южную Францию и видеть прекрасные страны Лангедока и Прованса...» [Карамзин 1964: 328]. Добравшись до Лиона, он восклицает: «Обширные зеленые равнины; по ту сторону Роны, принадлежащие к Дофине, – равнины, где уже оперяется весна, отменно милостивы. Там идет дорога в Лангедок и Прованс, счастливые цветущие страны, где чистый воздух в весенние и летние месяцы бывает напитан ароматами и где теперь благоухают ландыши!» [там же: 343]. Но в связи с обстоятельствами герой вынужден со своей мечтой расстаться, что он делает с пафосом, присущим предромантизму: «Нет, друзья мои! Я не увижу плодоносных стран Южной Франции, которыми прельщалось мое воображение!.. Беккер не получил здесь векселя и, оставшись только с шестью луидорами, решил ехать прямо в Париж. Мне надлежало с ним расстаться или пожертвовать для него своим любопытством, своими мечтами, Лангедоком и Провансом.... Гробница нежной Лауры, прославленной Петrarком! Воклюзская пустыня, жилище страстных любовников! Шумный, пенный ключ, утолявший их жажду! Я вас не увижу!.. Луга прованские, где тимон с розмарином благоухают! Не ступит нога моя на вашу цветущую зелень!.. Простите, места, любопытные для чувствительного путешественника!» [там же: 361].

Примечательно, что, усвоив по различным источникам мысль о прованском «рае», Карамзин переносит это мнение на описание реалий городов, которые посещает.

Обратимся к чрезвычайно яркому описанию Парижа: «Останьтесь же здесь, если не хотите переменить своего мнения; вошедши далее, увидите... тесные улицы, оскорбительное смешение богатства с нищетою; подле блестящей лавки ювелира – кучу гнилых яблок и сельдей; везде грязь и даже кровь, текущую ручьями из мясных рядов, – зажмите нос и закройте глаза. Картина пышного города затмится в ваших мыслях, и вам покажется, что из всех городов на свете через подземельные трубы сливается в Париж нечистота и гадость. Ступите еще шаг, и вдруг повеет на вас благоухание счастливой Аравии или по крайней мере цветущих лугов прованских: значит, что вы подошли к одной из тех лавок, в которых продаются духи и помада и которых здесь множество. Одним словом, что шаг, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты – так, что вы должны будете назвать Париж самым великолепным и самым гадким, самым благовонным [Потому что нигде не продают столько ароматических духов, как в Париже. – прим. Н. М. Карамзина] и самым вонючим городом» [там же: 373].

Цветущие луга Прованса противопоставлены городским кварталам, где не остается ничего иного, как «зажимать нос». Но еще важнее ольфакторный контраст, выстроенный путешественником: Париж оказывается одновременно самым вонючим и самым благовонным городом. Так же, как лавка мясника с ее отвратительным запахом и деталями соседствует на рынке с лавкой духов и помады, весь город представляет собой сочетание, столкновение, смешение зловония и благовония.

Стоит обратить внимание и на запах трав, льющийся в «суп» путешественника («Как бы то ни было, только в другой раз рассудил я за благо обедать один в своей комнате, растворив окна в сад, откуда лились в мой Немецкой суп ароматическая испарения сочной зелени» [Карамзин 1964: 20]), поскольку соединение ольфакторного и густаторного полей – недостаточно развитая часть отечественной словесности вплоть до середины XIX в. В качестве исключения можно привести фрагмент путевых записок Ф.И.Соймонова: «Бросая нѣсколько пригоршней земли, польють нефтью, и зажгут бумагою, то загорается сильнымъ пламенемъ. Надъ пламенемъ ставятъ таганъ, а на таганъ котель съ кушаніемъ, которое варится скоряе, нежели дровами. Чемъ больше мѣшаютъ землю палкою, тѣмъ сильнѣе горитъ пламя. Но понеже къ сему употребляютъ токмо черную и нечистую нефть: то происходитъ отъ того копоть и худой запахъ: покои отъ того чернѣютъ, однако кушаніе не имѣетъ худаго вкусу» [Описание 1763].

Рассматривая ольфакторий поэзии XVIII в., Н.А.Рогачева, ссылаясь на А.Н.Радищева, утверждает мысль о сущностной эстетизации сферы запахов человеком: «Не обладая тонкостью нюха, свойственной животным, человек способен оценить красоту аромата, чем, собственно, и определяется эстетика запаха для “умного” художественного мироощущения» [Рогачева 2010: 46]. Однако анализ ольфактория травелогов показывает, что обоняние суть не только «инструмент изящного», но и серьезное напоминание о том, что природа человека остается биологически животной. Здесь речь идет не столько о поиске изящных и приятных ароматов, сколько о недоверии к ним, стремлении использовать запахи именно как реперы пространства. Разумеется, шкала «аромат – вонь» остается актуальной, но может по-разному маркироваться (приятный запах может означать опасность, а зловоние маркировать убежище). Таким образом, ольфакторная поэтика в XVIII в. серьезно осложняется,

трудно говорить о едином направлении ее развития. Литература путешествий позволяет увидеть эту разнонаправленность.

«Насыщенное» описание предполагает постоянное балансирование на грани «фиксирования» фактов в стиле нон-фикшн и художественности, в основе которой – творческий масштаб личности путешественника. Ольфакторий – лишь одна черта этого напряженного балансирования. Но – помимо изоморфической задачи сохранения жанровых кодов – «принюхивание» путешественников к новому для них пространству показывает неустранимость и необходимость вербализации ольфакторных впечатлений, подбора соответствующих художественных средств и постоянного стремления к разрушению стереотипов.

Список литературы

Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т.6. М., 2002.

Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С.Лихачева, Л.А.Дмитриева, А.А.Алексеева, Н.В.Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т.1. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (дата обращения: 27.05.2012).

Гириц К. Интерпретация культур / пер.с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 361 с.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Избр. соч.: в 2 т. / вступ. ст. П.Беркова, Г.Макогоненко. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т.1. С.77–620.

Описание Каспийского моря и чиненных на ономъ Российскихъ завоеваний, яко часть исторіи Государя Императора Петра Великаго, трудами Тайнаго Совѣтника, Губернатора Сибири и Ордена святаго Александра Кавалера Федора Ивановича Соимонова, выбранное изъ журнала Его Превосходительства, въ бытность его службы морскимъ Офицеромъ, и съ внесенными, гдѣ потребно было, дополненіями Академіи Наукъ Конференцъ-Секретаря, Профессора Исторіи и Исторіографіи, Г.Ф.Миллера. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1763 года. URL: http://az.lib.ru/s/sojmonow_f_i/text_0030oldorfo.shtml. (дата обращения: 27.05.2012).

Путешествие стольника П.А.Толстого по Европе (1697–1699) / изд. подг. Л.Ольшанской, С.Травниковым. М.: Наука, 1992. 384 с. [Сер. Лит. памятники].

Радищев А.Н. О человеке, его смертности и бессмертии // Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т.II. С.39–144.

Рогачева Н.А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX–XX вв.: проблемы поэтики. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. 404 с.

Сорочан А. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // Нов. лит. обозрение. 2011. №112. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/112/so36.html>.

POETICS OF SMELL IN ALIEN SPACE

Natalia L. Zyhovskaya

Reader of Russian Language and Literature Department
South Ural State University

The article is devoted to the poetics of odor (olfactory fragments) in the travelogue – the travel notes and diaries of the XVIII century. The author shows how the story is provoked by a situation (the author-hero is in alien space). This situation determines the conditions for olfactory reactions and the development of the olfactory poetics. The author of the article proves that the boundary area of literature and anthropology is the key of the genre of the travelogue. This feature is expressed in the double challenge that comes from the work itself – the description of the alien space: the need for truthful fact entering and expression of one's attitude to these facts. Olfactory fragments are exposed to this challenge: in the alien space smells are inverted and distorted, while orientation for them is difficult but needed.

Key words: olfactory; poetics of odors; Russian literature of the XVIII century; travelogues.